Как приручить Дракона

Автор:
IQlight

Как приручить Дракона

IQlight

Когда тебе 17, идея влюбить в себя "плохиша" кажется достаточно заманчивой. До тех пор, пока ты не начинаешь понимать, насколько серьезными могут быть последствия таких отношений.

Содержит нецензурную брань.

IQlight

Как приручить Дракона

Беглецы

Сентфор – это маленький унылый городок, вынужденное пристанище, в котором придётся томиться не меньше года. В прошлом остался Балтимор и все друзья, потому что проблемы папы перестали быть только его. Мы всей семьей являемся соучастниками и беглецами.

Меня зовут Сара О’Нил, мне семнадцать лет, и это моя история.

Родители мало посвящали меня в свои тёмные дела, но я давно в состоянии понять, что, как раньше, уже ничего не будет. Меня одновременно радует и удручает, что моя жизнь перестала их интересовать ещё в Балтиморе, поэтому я лишена всех прелестей подростковых конфликтов с предками. Им нет дела: я занята сама собой, и все счастливы.

Хотя, счастьем наши будни тоже не наполнены. Каждый день – борьба и ожидание звонка ФБР в дверь нового дома. Стоит ли говорить о том, что моя нервная система давно свалила в закат, и у меня просто нет сил, чтобы устроить бунт. Я, блин, самый покорный тинейджер в этом захолустье.

И судьба, чтобы добить меня основательно, даёт мне снова первый день в новой школе. В выпускном классе. Без надежды на отношения, на нормальную дружбу и вот это все, что так нужно обычному человеку.

Это как фильм «День сурка», только я хочу бросить тостер в ванную прямо сейчас. Нет, я не депрессивная, просто я очень устала. А в старшей школе не жалуют уставших и аморфных. Как в мире животных: добивают слабых и больных.

В Балтиморе я выступала в команде чирлидинга, поэтому внешность – точно не моя слабая сторона, но вот унылая физиономия может сильно усложнить жизнь. И ещё я интроверт. Да, все дерьмо я переживаю глубоко в себе, отчего друзья из прошлого дали мне прозвище spaceshattle (космический шаттл). Задумавшись, я могу зависнуть и просто потерять связь с реальностью.

И с этим набором чудес я должна сегодня вступить на порог новой школы. С кем-то опять дружить, учиться и пытаться не убиться головой о стену от происходящего в моей жизни.

***

Автобус подъехал ровно в 8:00. Внутри уже было достаточно народу. В воздухе летал аромат тинейджерского пота, колы и мятной жвачки. Когда я зашла в автобус, то сразу зацепилась взглядом за одиноко сидящую блондинку с печальным взглядом.

О, привет, подруга! Мы уже, однозначно, подходим друг другу своими кислыми минами.

– Привет, свободно? – я кивнула в сторону пустого сиденья.

– А, да, конечно. Присаживайся, – девушка не выразила никаких эмоций.

– Я – Сара, новенькая. А тебя как зовут?

– Кэнди. Меня зовут Кэнди Нильсон.

– Очень приятно познакомиться. – Нет, на самом-то деле, просто место было свободно, а ты та ещё депрессивная зануда.

До школы мы ехали молча: это просто рай для интроверта. Я разглядывала серые и безрадостные пейзажи провинциального городка, который претил мне всем своим нутром.

Первым уроком была история. Учитель – мужчина средних лет, в засаленном пиджаке, в котором его и похоронят, по всей видимости. Такая неухоженность для меня была всегда признаком одиночества и полного поглощения своим предметом. Даже не знаю, что из этого было хуже.

Мы сидели с Кэнди вместе за одной партой. Никак не возьму в голову, чего я так в неё вцепилась, но эта недалекая девчонка, несомненно, мне импонировала. Нет, только не подумайте, что я такое высокомерное дерьмо, просто нужно понимать: меня вытащили из моей благополучной среды обитания и засунули в глушь. И это раздражало до белеющих костяшек пальцев. Внутри кипела злость, обида и приближающееся ощущения неизбежности того, что я застряла здесь навсегда.

И, возможно, так бы все и произошло, если бы не один вечер, закончившийся абсолютно паршиво. Вечер, когда я встретила Чёрных драконов и Майкла, мать его, Тёрнера. Но обо всем по порядку. И это мой первый день в старшей школе чертового города Сентфора.

В перерыве на ланч к нам с Кэнди подошла пара ребят: ее друзей. Оба выглядели неплохо: один – скуластый, тощий и слишком дерзкий для своей комплекции – Дерек; второй – сладкая девчачья мечта из влажных снов, блондин с голубыми глазами и пухлыми губами – Люк.

– Привет, Кэнди! – оба дружелюбно поприветствовали ее

– Привет, ребят. Знакомьтесь, это новенькая – Сара О’Нил. Она из Балтимора

– Спасибо, Кэнди, дальше я сама, – перебив ее, спокойно продолжила я. – Теперь было бы неплохо узнать, как вас зовут.

– Это Дерек Никсон, а я – Люк Моринг.

– Так официально? Прикольно, – сказала я с нескрываемым сарказмом. – Вы смешные. Ладно, рада была поболтать, пока.

Я встала и уже направлялась к выходу из столовой, как Люк окрикнул меня.

– У нас сегодня вечеринка, хочешь присоединиться? – он улыбнулся во все свои тридцать два ослепительных зуба. – Заодно, посмотришь на местных, мы не кусаемся, в отличие от тебя.

Я, конечно, была той еще занозой в заднице, но жест дружелюбия был засчитан. Тем более, что я вообще теряла? Не знаю никого, кроме этой чудаковатой троицы, да и меня еще никто не знает.

– Явки, пароли?

– Пойдем вместе, я зайду за тобой вечером, ладно? – о, снова рыба-прилипала Кэнди.

– Пойдем? Поедем, я за рулем, – хмыкнула я.

Все трое переглянулись: в их глазах читалось легкое удивление. Кэнди что-то шепнула Люку и нежно взяла его руку.

– Ну, не на велике же ездить, ей Богу, – я закатила глаза и, развернувшись на каблуках, вышла в коридор.

***

– Как первый день в школе, детка? – мама спросила участливо.

– Ожидала худшего, но, вроде бы, неплохо – позвали на вечеринку к однокласснику.

– Даже так? Ну, надеюсь, это хороший знак, Сара. Постарайся быть дружелюбной, но не сильно распространяйся о причинах нашего переезда. – Она слегка замялась, ведь город маленький, и слухи разносятся быстро, а нам бы этого не хотелось.

– У меня что, на лице написано «умственно отсталая», мам? – Я рыкнула с нескрываемым раздражением; ваш заунывный секрет про финансовые махинации папаши умрет в этом скучном городе вместе с моей личной жизнью.

– Поедешь на машине?

– Ага, напиваться в мои планы точно не входит. Это визит вежливости. Я же не должна быть охренительно милой, правда? Прямо, как ты?

– Тогда в 10 будь дома.

– Есть, мэм, – крикнула я, поднимаясь вверх по лестнице и не подозревая, что ждёт меня впереди, после знакомства с моими одноклассниками.

Первая вечеринка, первое впечатление, которое произведу на парней, нормальных, а не на этих двух – Люка и Дерека. Я распустила каштановые волосы, слегка подкрутив их на концах. Открыв шкаф, я занялась выбором наряда. Взгляд упал на черные джинсовые скинни, белую футболку с надписью «I’m a dragon» и бомбер цвета оливы. Грубые черные ботинки и цепочка с кулоном на шее дополнили образ.

Я была готова оторваться сегодня. Нет, правда, я действительно настроилась провести вечер классно. Может, это было реально тем, что мне действительно нужно, чтобы отвлечься от навалившихся проблем.

Но кто бы мог подумать, что один вечер в этом городе так круто повернёт мою жизнь.

Первое впечатление

Мы с Кэнди подъехали к впечатляющим высоким кованным воротам. Я нажала кнопку интеркома, – О’Нил и Нильсон прибыли на базу. Ворота с тихим скрипом раздвинулись, и мы въехали внутрь двора.

Дом Морингов стоял на возвышенности, окутанный густым лесом, скрывающим его от любопытных глаз. А посмотреть тут было на что: белый дом с колоннами, выполненный в колониальном стиле – такие дома сплошь и рядом строили на Юге.

Огромная территория перед домом вмещала десятки парковочных мест. Я действительно была впечатлена увиденным. На пороге перед домом нас встречал Люк и какая-то рыжая девица. Я видела ее в коридоре школы, но особо лица не запомнила.

– Я уж думал, ты не приедешь, – иронично сказал Люк.

– Почему? Я, может, и кажусь слегка стервозной, но никогда не пропущу веселье.

– Привет, мы ещё не знакомы, я – Сара, новенькая, – я протянула руку рыжей.

– Адель Моринг, сестра Люка. Милый прикид, Сара, думаю, мы найдём общий язык, – она смерила меня взглядом.

А, вот кто тут «папочка», ну отлично.

– Пойдёмте отрываться, – Адель приглашающим жестом указала на дом и мило улыбнулась.

Кэнди задержалась на входе вместе с Люком. Наверное, между ними что-то есть, либо Кэнди хотелось бы этого, судя по тому, как она смотрит на блондинчика: как сенбернар на хозяина.

Мы прошли через внушительных размеров холл, было ощущение, что я попала в музей искусств: скульптуры, гипсовые бюсты, по стенам вереницей развешаны картины. В самом центре лестницы в пролёте висел масштабный семейный портрет Морингов: четверо богатеев, расфуфыренных в пух и прах.

Царская семья, мать их.

Я шла за Адель дальше, пока не услышала эпицентр тусовки – шум и музыка раздавались с заднего двора. Возле бассейна толпилась куча подростков: смеялись, толкали кого-то в воду, кто-то играл волейбол, пили из разноцветных бумажных стаканчиков.

– Выпьешь что-нибудь? – спросила Адель.

– Боюсь, что сегодня я не пью. Изучаю обстановку.

– Ха! Мы что, лабораторные мыши для тебя?

– Не пойми меня неправильно, но я говорю правду в глаза – сегодня мой первый день в новом городе, меня зовут на вечеринку незнакомые ребята. Не сложно сложить два плюс два, чтобы понять – меня тоже хотят изучить. Пусть исследование принесёт обеим сторонам удовольствие, – я посмотрела рыжей прямо в глаза.

– А ты крепкий орешек, да? Я уважаю таких, как ты: не лебезишь, не стараешься понравиться, прямолинейная, как кол, – Адель похлопала меня по плечу и улыбнулась. – Наслаждайся вечером, я точно не кусаюсь.

Я подошла к импровизированному бару и налила себе содовой. Отхлебнув немного, я продолжила мониторить собравшихся. Неспешно прогуливаясь по периметру бассейна, я услышала, как кто-то окрикнул меня. Дерек. Он стоял с каким-то субтильным пареньком в очках с диоптриями, из которых можно было бортовой номер самолёта разглядеть. Дерек помахал мне и жестом попросил подойти.

Ну, давай, дружище, удиви меня.

– Привет, Сара! Все-таки решила приехать? – немного взволновано сказал парень.

– Как видишь, не хотела стать изгоем, – я саркастически улыбнулась

– Знакомься, это наш друг – Бобби Тёрнер, – очкарик слегка напрягся и протянул потную ладонь.

– А, мы же в одном классе, я видела тебя. Привет, приятно познакомиться, – я всеми силами старалась не отдёрнуть руку и проявить свой максимум учтивости. – Земля-Бобби, приём! – он «завис» на секунду, и я уже хотела помахать рукой перед его носом.

– А, да, Сара, привет. Прости, я иногда задумываюсь настолько сильно, что ухожу от реальности, – он смутился ещё больше.

– Аха, значит, – я прыснула, – у нас с тобой много общего. Я тоже иногда вываливаюсь из реальности, – я изобразила безумное лицо и сдвинула глаза в кучу.

Парни рассмеялись, и первая неловкость прошла. Я постепенно сбрасывала маску стервозной суки, потому что они действительно старались сделать первый день незнакомой девчонки комфортным и веселым. Это подкупало в них всех – доброта и открытость. Было бы полной лажей с моей стороны игнорировать человечность и хорошее отношение.

***

Я развезла троицу по домам, чем вызвала очередную порцию уважения и благодарностей. Боже, ребят, вы слишком добры ко мне.

Дома я была ровно к назначенному времени, поднимаясь в свою комнату под ругань предков. Они снова выясняли отношения, забыв о моем существовании. Кричали что-то про залог дома и продажу машины. Моей машины, подаренной на шестнадцатилетние. Ком подступил к горлу, и я направилась вверх по лестнице, в свою комнату. Последнее, что я слышала – звук бьющейся посуды и тихий удар.

***

Спустя две недели я, Люк, Дерек, Кэнди и Бобби неплохо сблизились. Они в шутку стали называть меня Стервелла, я не смела им перечить – доля правды в этом была. Я пыталась выключить свою защитную реакцию в их окружении, они это чувствовали, и никто не задавал лишних вопросов. Наверное, так и должны вести себя друзья. Правда, Бобби отчаянно пытался мне угодить и слегка перегибал: можно было к гадалке не ходить, чтобы понять – на меня запал типичный ботаник. Мне нечем было ответить ему, но он не сдавался. Это было мило.

***

По химии раздавали задания для совместных проектов. Когда в пару поставили меня и Тёрнера, Бобби чуть со стула не прыгнул от радости. Мы переглянулись с Дереком и, зажав рот кулаками, засмеялись. Кэнди посмотрела на Бобби сочувствующим взглядом, казалось, она сейчас заплачет.

Мне предстояла неделя плотных научных исследований в компании милого «ботаника», который сох по мне. Что может быть ужаснее вообще? Радует, что Бобби физически не развит, и в случае его романтической атаки я легко навешаю ему тумаков.

– Сара, сможешь зайти ко мне после уроков сегодня? – Бобби заламывал руки и теребил лямку рюкзака.

– Как скажешь, будем чередовать: завтра у меня. – Если мои чертовы предки не разобьют все нахрен в доме.

Оказалось, дом, где жила семья Бобби, находился в квартале от моего. Милый небольшой дом, с белым забором и синей крышей. Перед домом клумбы с цветами и ровно подстриженный газон – мечта американских домохозяек.

Единственная вещь, выбивающаяся из этого идеального антуража, был припаркованный у дома байк. Чёрный с изображением драконьей головы. Когда мы подходили к калитке, из входной двери показался высокий парень, лет двадцати.

Рыжие волосы небрежно растрёпаны, скулы, о которые можно было бумагу резать, широкие плечи. Незнакомец был одет в джинсы, чёрную футболку с принтом AC/DC, кожаную косуху, в руках он нёс мотоциклетный шлем.

Я ощутила легкое головокружение. Ему с таким телом место в доме Морингов – скульптура греческого Бога, не меньше.

– Я уехал, ма! – этот низкий, чуть хриплый голос стрелял прямо в сердце.

– О, Бобби, привет, малыш, – красавчик потрепал Бобби по голове, а тот пытался отмахнуться обеими руками.

– Перестань, Майкл!

– О, да ты с девчонкой! – он с улыбкой посмотрел на меня. Эти зелёные глаза смотрели прямо в душу, не меньше. Надо быть слепой и глухой, чтобы не превратиться в лужу рядом с этим парнем. – Боб, скажи подружке, что пялиться не прилично. И вытирать ее слюни с порога будешь ты.

Что? Гадство! Я реально стою, открыв рот. Я хочу провалиться сквозь землю, пожалуйста!

Я густо покраснела и потупила взгляд. Он прошёл мимо меня, источая аромат табака и моря – с тех пор именно так стала пахнуть для меня мужественность и сексуальность. Красавчик оседлал свой байк, с хитрой улыбкой повернулся в сторону нас с Бобби и с места рванул вниз по улице.

Это был первый раз, когда я увидела Майкла, мать его, Тёрнера.

Принцесса и Дракон

– Эй, Сара, пойдем, чего застыла, – Бобби с раздражением взял меня за руку и потянул к входной двери. – Вечно он все портит, – пробубнил парень с детской обидой в голосе.

– Кто все портит? – я, слегка ошалевшая, на полусогнутых следовала за ботаником.

– Этот кретин, Майкл. Мой старший брат по совместительству.

Да ладно?! Кузен, но никак не родной брат Бобби. Природа не может так хреново распределять очки харизмы и сексуальности.

– Не знала, что у тебя есть брат

– Я бы тоже с радостью его не знал.

Мы прошли в дом: мама Бобби что-то готовила на кухне. Он быстро нас представил, объяснив причину моего визита. Приветственно помахав нам, она продолжила заниматься своими делами. Скинув куртки, мы отправились наверх в комнату Бобби, чтобы начать заниматься химией. Реально делать уроки, тут же без вариантов вообще!

Спальня Тёрнера-младшего была полным отражением его внутреннего мира стопроцентного гика: фигурки героев Стартрека и Звездных войн, полки с цветастыми корешками фэнтези-книг, игровая приставка и миллионы дисков с играми. Если бы я увидела на прикроватной тумбочке одноразовые салфетки, я бы уже сбежала. Нет, он определенно был хорошим парнем, но такие всегда плетутся во френдзоне. Прости, Бобби.

Потратив на задание пару часов, было решено спуститься вниз и перекусить чего-нибудь. Мы сидели на кухне рядом друг с другом, забравшись на стулья с

ногами. Это было так по-домашнему уютно, что я невольно почувствовала подступившие слезы. Как бы я не отрицала это, но мне нужна была забота и тепло родительского дома. Внутри меня была зияющая дыра и оглушающая пустота; я отчаянно нуждалась в чьей-нибудь любви.

Бобби так увлеченно пересказывал мне сюжет какого-то эпизода Стартрека, что мои слегка выступившие слезы высохли, оставшись незамеченными.

– Сара, ты в порядке? – он выглядел весьма обеспокоенным.

Черт, неужели заметил? Я резко провела ладонями по лицу: нет, все под контролем.

– Все отлично, почему спрашиваешь? – изобразив уверенность, выпалила я.

– Ты как-то резко загрустила, это по выражению глаз видно, – он стушевался, но подвинулся чуть ближе ко мне, едва коснувшись края моего подбородка.

Это что, реально подкат от Бобби? О, нет, нет, нет, нет! Стыдоба-то какая. Ты так жалко выглядела, что даже Бобс, поверив в себя, решил подкатить к тебе, Сара.

– Вот это поворот, Боб. Ты хочешь ей засадить? – громкий смех наполнил кухню; сомнений не было: это Тёрнер-старший собственной персоной. – Дети, бесплатный совет от дяди Майкла: предохраняйтесь.

Мы с Бобби, как два испуганных животных в прямом смысле этого слова, отпрыгнули друг от друга, чуть не попадав со стульев от неожиданности. Майкл подошел к холодильнику и открыл дверцу, внимательно заглянув внутрь.

Его профиль озарил теплый свет, отчего он выглядел еще шикарнее: ровный нос, чуть со слегка вздернутым кончиком, искусно выведенная природой линия скул и подбородка, переходящего в сильную и мощную шею, пухлые губы, растянувшиеся в полуулыбке.

От него пахло бензином и парфюмом вперемешку с табаком. Этот запах пробуждал лавину во мне. Хотелось закрыть глаза и зарыться в его широкую

грудь, вдыхая этот запах. Внутри меня от одной этой фантазии сжался комок нервного напряжения, и сердце застучало с бешенной скоростью.

– Мне пора, Бобби. Завтра в школе увидимся, – я метеором вскочила со стула и понеслась в сторону прихожей.

Я изо всех сил старалась пробежать мимо причины моей тревоги как можно быстрее, стараясь не смотреть на него. В этот момент Майкл закрыл дверцу холодильника с бутылкой сока в руках. Я неслась во весь опор и не заметила, как его торс возник перед моим носом, и мы столкнулись. Спасибо законам физики и мясистой заднице, потому что мое тело отрикошетило и свалилось на пятую точку прямо перед секси-Тёрнером. К слову, с его охреневшего лица и футболки яркими оранжевыми каплями стекал сок.

– Ты куда гнала, кобыла краснокнижная? – он посмотрел с издевкой и изогнул одну бровь.

Это меня он кобылой сейчас назвал? Ууу, козлина.

– Майкл, заткнись и перестань вести себя как дегенерат последний, – Бобби вступился за меня, пока я хватала ртом воздух и пыталась встать. Зад нестерпимо жгло от ушиба.

– Сара, ты в порядке? Сильно ушиблась?

Да, сейчас охренеть как ушиблось мое самолюбие и женское очарование. А еще меня твой брат кобылой обозвал.

– Нет, Бобби, все в норме. Выживу.

– Хм, Сара, – Майкл задумчиво почесал затылок, – с какого-то древнего языка, типа «владычица» переводится. Владычица мясистой задницы, по всей видимости, которую заносит на поворотах, – он снова ухмыльнулся этой бесящей улыбкой.

Как у тебя это получается, Майкл Тёрнер, быть настолько привлекательным внешне и отталкивающим внутренне? Воистину, дьявольский дар.

– Какой начитанный орангутанг у тебя братец, Бобби, – саркастически хмыкнула я, самостоятельно поднимаясь с пола. – Для справки, в некоторых источниках переводится как «Царица», – я метнула гневный взгляд в нахала.

– Не дотягиваешь до царицы, малыш. Максимум – «принцесса», – он весело подмигнул мне и тихо добавил, – но зад у тебя императорский. – Он развернулся и вышел, попутно снимая с себя мокрую футболку, обнажающую раскачанные плечи и спину. С огромной татуировкой.

Сууука!!! Я вырасту и убью тебя, Тёрнер! Самым изощренным способом!

Я сжала кулаки так сильно, что оставила следы от ногтей на ладонях.

***

Остальные дни мы с Бобби доделывали совместный проект у меня дома, хотя соблазн снова встретиться с Майклом был слишком велик. Я все чаще ловила себя на мысли, что мои размышления постоянно прерывал образ этого откровенно нахального красавца. Острый на язык, дерзкий: воплощение маскулинности и первобытной мужественности в одном человеке – убийственный коктейль для женского сердца.

Уверена, девчонки за ним табунами бегают. Табунами краснокнижных кобыл, как я. А он даже не смотрит в мою сторону, потому что считает меня малолеткой.

Эти мысли скоро сведут с ума. Мне просто необходимо кому-то выговориться. Я девочка, в конце концов!

Я набрала номер Кэнди.

– Привет, не отвлекаю?

– Нет, я уроки делала, сама понимаешь, не слишком увлекательное занятие, – она глупо хихикнула. – Как ваш проект с Бобби?

– Относительно неплохо, если бы не его старший брат, – я теребила телефонный провод и нервно кусала губы. – Ты знала, что у Бобби есть брат?

Господи, конечно, она знает, идиотка! Они сто лет тут живут и учатся вместе.

– Сара, ты запала на Майкла?

– Чего?! Нет, конечно, ты вообще, с чего это взяла? – мой голос стал неестественно высоким.

– Сара, – она протянула мое имя с укором и улыбкой. – По нему половина Сентфора сохнет. Это же так банально – плохой парень на байке из банды «Драконов».

– Стоять, какой банды? Он что, уголовник? – я бесцеремонно перебила Кэнди.

– Из «Черных драконов». Шайка грозных байкеров. Ну, насколько мне известно, он не сидел в тюрьме, но навряд ли он со своими татуированными друзьями пиццу развозит. Во всяком случае, папа Дерека – частый гость в доме Тёрнеров. Он же из полиции.

– Ясно, думаю, основное я узнала. Спасибо, конфетка, – я засмеялась.

– Сара, ты хорошая, и мы подружились, насколько я могу судить, поэтому предупрежу тебя. Майкл старше, ему 22, он водится с сомнительными личностями, имеет приводы в полицию и мало подходит для каких-то продолжительных отношений. Не связывайся с ним и выброси из головы. Лучше обрати внимание, как на тебя смотрят Бобби и Дерек.

– Бог мой, Кэнди, я просто спросить хотела, а ты уже мою личную жизнь продумала до мелочей, – мне показалось, что даже через телефонную трубку был слышен звук моих закатившихся глаз.

– Окей, ты спросила, а я ответила.

Мы проболтали еще около часа, обсуждая девчачьи штучки, вроде школьных сплетен и мальчиков. Ночью я не могла уснуть из-за мыслей о Тёрнере. Не слишком уж он и старше, в конце концов.

Сара, напрягай извилины и включай природное обаяние. Он должен стать твоим.

С этими мыслями я начала засыпать, вспоминая дьявольски красивого рыжего нахала с зелеными глазами.

Братья Тёрнер

Наш проект по химии был удостоен высшего балла от миссис Пакстон, но удовлетворения я не получила. Ведь, положа руку на сердце, я бы с удовольствием «похимичила» с Тёрнером-старшим. Возможно, даже до выпадения в осадок. А при его появлении на горизонте мое тело и вовсе переходило в жидкое состояние.

Слишком много химии и секси-Тёрнера, Сара.

Это исчадие ада никак не выходило из моей головы сутками: его злобно-насмешливый взгляд, нахмуренные брови над глазами цвета бархатного мха, мокрая футболка, прилипшая к его груди и очерчивающая каждый миллиметр этого нереального тела, янтарные капли сока на пухлых губах, а затем сравнение не с самым грациозным животным и мой императорский зад.

Кстати, что это вообще было? Недо-комплимент? Слишком, слишком много мыслей о нем, пора завязывать.

Тем более, что было о чем еще волноваться. Проблемы дома только продолжали копиться. Родители каждый день грызлись, словно кошка с собакой, припоминая друг другу все не пережитые обиды, с особым маниакальным садизмом бросая их друг в друга.

Я задалась вопросом: как можно столько лет жить с человеком, на которого ты потом потоком льешь дерьмо? К своим 17 годам я уверенно могла сказать – я выйду замуж только под дулом пистолета.

Хоть бы этот ствол направил на меня Майкл Тёрнер. Фааак, Сара, ну завязывай.

Из родительской спальни слышалась ругань и крики. Среди гомона можно было разобрать только лишь одну фразу, которую крикнул отец: «Я возвращаюсь в Балтимор!» Сидя на кровати в своей комнате, я обняла колени руками и бросила голову на них. Непрошенные слезы сами полились из глаз.

Чертов предатель, ненавижу тебя! Это из-за тебя мы здесь, из-за тебя я останусь с матерью, которой вообще плевать на кого-то, кроме себя! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Последние слова вылетели из горла, словно рычание раненного зверя. Плечи сотрясались от неконтролируемой истерики. Хотелось уснуть и проснуться, когда закончится этот паршивейший год в моей жизни.

Нервный голос мамы вернул меня в мою угрюмую реальность. Она с напором постучала в мою дверь и сказала: «Сара, спустись, тебя к телефону».

Я вытерла слезы краем домашней растянутой футболки, бросив мимолетный взгляд на свое отражение: красный и опухший нос, мелкие розовые пятна под глазами, которые были похожи на два пельмешка из китайской забегаловки, волосы собраны в высокий небрежный пучок, серая растянутая футболка с надписью «Ramones». Видок, будто меня переехал товарный поезд. Дважды. Я тихо открыла дверь и, не глядя на маму, спустилась в гостиную.

– Алло, – я собралась и ответила старательно непринужденно.

– Сара, привет, это Бобби, – голос был взволнованным.

– Привет, по голосу слышу, что ты чем-то поделиться решил, – я смягчилась и невольно улыбнулась, представив счастливого Бобби в его этих профессорских очках с убийственными диоптриями.

– Хочешь прогуляться сегодня вечером? Мы решили с ребятами устроить небольшой пикник на обрыве за лесом. Там будет круто; пожарим какой-нибудь еды. Что там жарят обычно на костре? Сосиски, да, – Бобби постепенно зависал в своих мыслях, предвкушая вечеринку.

– Бобби, если ты еще здесь, то я согласна, – больше всего на свете хотелось сейчас сбежать из дома и просто отвлечься от мыслей обо всем, что свалилось на меня за этот месяц.

– О, круто! Нас, правда, подвезёт Майкл: мама его заставила за мной присмотреть, – голос его немного потух. – Но он нас только привезёт и заберет обратно, так что там будем без этого аборигена.

После слов о том, что там будет Майкл, мать его, Тёрнер, я уже плохо слушала бубнеж Бобби. Нужно срочно приводить себя в порядок!

– Когда я должна быть готова?

Бобби не успел ничего сказать, как в ту же секунду кто-то параллельно взял трубку на том конце провода. Я услышала отдаленный бархатный голос, приводящий мое израненное сознание в оцепенение, словно жертву перед хищником.

– Эй, не облажайся, очкарик, иначе она тебе не даст, и ты умрешь девственником, – снова его этот смех. Как так можно даже смеяться волнующе?

– Майкл, заткнись и повесь трубку! – Бобби взвизгнул.

– Что может быть романтичнее: присунуть девчонке у костра, Бобс! – Майкл издевательски заржал в голос.

– Эй, я еще здесь вообще-то! – писк возмущения вырвался из моей груди.

– Я знаю, как твой императорский зад? Бобби еще не зализал все синяки? – издевательски прошептал Тёрнер-старший.

Ярость Бобби передалась даже через телефонный провод; я слушала, как падает трубка и глухие звуки бегущих ног. Бедняга.

– Ай, мелкий, ты чего творишь, брось эту хрень, – Майкл засмеялся, не отрывая трубки, и я услышала хлесткие удары ладонями. Послышался крик задыхающегося Бобби: «Слезь с меня, придурок, ааа, блин, там же Сара, дай мне

трубку, кретин!»

– Ало, Сара, ты еще тут? – Бобби запыхался и еле произносил слова.

Я зажала рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос. Спазмы пронзали диафрагму до боли, но я не могла остановиться хрюкать в ладонь. Боже, какие же сказочные идиоты!

– Сара? Ты тут? – он рассеяно спросил в тишину.

– Да, Бобби, я тут. Так во сколько мне быть готовой?

– Мы заедем за тобой к шести.

Я повесила трубку и больше не могла держать в себе этот смех, вырвавшийся наружу. Майкл Тернер, ты – абсолютный идиот, но я без ума от тебя. А ты – от моей задницы.

***

Глупо было бы наряжаться на пикник в лесу, поэтому я решила обыграть свои сильные стороны – джинсы с высокой посадкой, чтобы подчеркнуть мои, без лишней скромности, феерические бедра и зад. Сверху надела черную водолазку, обтягивающую идеальный третий размер груди. Если хоть что-то в жизни моих родителей получилось сделать хорошо, то это что-то – я. И если Майкл Тернер не купится даже на это, то приму постриг в монахини. Незамедлительно. Подмигнув своему отражению, я спустилась в гостиную. Там выслушала недолгую лекцию от мамы о том, как не залететь в семнадцать и указание быть дома до полуночи. Скоро мои глаза будут закатываться со стуком от таких проявлений ее любви. Я взяла свой бомбер и вышла на улицу.

Осенний воздух приятно щекотал нос и дарил ощущение свободы. Никогда не могла объяснить себе: за что люблю эту осеннюю вечернюю прохладу. В ней было обещание чего-то сказочного, такого, чего в моей жизни еще никогда не было. При этой мысли сердце забилось чаще, разгоняя кровь и согревая изнутри.

К своему удивлению, ровно в шесть я увидела не стального коня с изображением дракона, а серебристый минивэн, за рулем которого Майкл выглядел комичнее, чем бурый медведь на двухколесном велосипеде. Он дважды просигналил, хотя прекрасно видел, что я уже вышла.

– Что, мама наказала и забрала байк? – мой сарказм давно жил отдельно от меня и внезапно вырвался наружу.

– Нет, просто твоя жопа на нем не поместится, пришлось брать минивэн. Шевели булками, принцесса, только тебя ждем.

Мое лицо вспыхнуло от злости, и я глазами прожигала дыру в Майкле, а эта скотина только ухмылялась, краем рта держа сигарету. О! Мой! Бог! Сейчас я вспыхну не только лицом. Действительно, стоит быстрее идти и садиться в машину, чтобы не видеть этого неотесанного, но такого сексуального мужлана.

Дорога заняла минут двадцать, но они пролетели незаметно за разговорами с Дереком, Кэнди, Люком и Бобби. Адель сегодня была мрачнее тучи и не располагала к беседе. Она молча разглядывала свой свежий маникюр, закинув ногу на ногу.

– Дети, мы на месте! Вываливайтесь, пожалуйста, нахрен из машины, – снова с издёвкой сказал Майкл.

Он тоже вышел из минивэна и привалился спиной к водительской двери, закуривая. В сумерках мерцал свет его зажигалки, снова озаряя светом красивое лицо. Зрелище не для втрескавшихся по уши барышень. Майкл сладко затянулся, подняв голову чуть вверх и выпустил облако дыма. Я могла бы смотреть на него вечность. Что и сделала, снова спалившись на ровном месте.

– Чего тебе, желторотик? – он мягко повернул голову в мою сторону, вперившись своими кошачьими глазами.

Черт! Черт! Сара, беги и прыгай с обрыва! Только этим ты спасешь свою честь и доброе имя.

Я впервые в жизни не нашла ответа и просто промолчала, по-идиотски улыбнувшись, поднимая свой взгляд и понимая, что сейчас или никогда – я уверенно направилась в его сторону. На мгновение взгляд Майкла наполнился удивлением, но вскоре в нем зажегся огонек интереса. Отступать уже было некуда, я подошла на максимально допустимое близкое расстояние, оперевшись плечом в дверь машины.

– Не найдется еще сигареты? – это был мой Ва-Банк. Заставить его считать меня старше, чем я есть. Более дебильного подката я не смогла из себя выдавить.

– Остынь, малая, – он ехидно улыбнулся и щелкнул меня по носу. – Беги, тебя друзья ждут жарить зефирки, принцесса.

С этими словами он посмотрел сквозь меня, и я услышала звуки приближающихся мотоциклов: по всей видимости, это были друзья-драконы собственной персоной. Кожаная одежда, клепки, рваные джинсы и пирсинги, испещренные татуировками кисти и даже лица, суровые взгляды и самое грустное – сексапильные девчонки за спинами каждого из них.

– Ну наконец-то, а то я уже подумал, что заночую с детьми, – Майкл, игнорируя мое присутствие, направился к одному из байкеров. Второй был таким же высоким, но чуть менее спортивным. Худощавое лицо с выделяющимися скулами и волевым подбородком, черные кудрявые волосы, светлые глаза и улыбка змея-искусителя. Складывалось впечатление, что в «Черные драконы» принимали по итогам какого-то кастинга.

– Вишня, блин, ты должен был уже ждать меня здесь. – Они ударили друг друга костяшками кулаков в знак приветствия.

– Прости, бро, Элис не может нормально управлять твоим зверем.

Мой взгляд перешел на высокую девушку с километровыми ногами, которые она грациозно перекидывала, слезая с байка Майкла и уступая ему. Девушка с копной огненно-красных волос подошла вплотную к Тёрнеру и погладила по лицу, заглянув в глаза. Он жадно смял своими руками ее ягодицы, поцеловав в шею.

В сердце кольнуло и, казалось, что-то оборвалось при виде этого. Злость закипала внутри, но я понимала, что эта война проиграна – девчонка охренительно красива. Нет, я была не хуже; я была младше. Моя юность стала причиной отказа. Я для него, как Бобби, только женского пола. Желторотик.

Какого хрена, Тёрнер? Что с тобой не так? Да любой бы уже воспользовался с радостью открывающейся перспективой, но только не ты. Типа благородный?

– Эй, малая, скажи Бобби, что я приеду за вами через пару часов.

Я молча кивнула и, проглотив ком в горле, направилась к друзьям, которые засыпали меня вопросами, о чем я говорила со старшим братом Бобби.

Треск костра и запах жаренных колбасок притупили чувство злости и ревности к вообще-не-моему Майклу. Пейзаж гипнотизировал своей безмятежностью: высокие деревья окружали небольшую поляну перед обрывом, где мы расположились. Свет нарастающей луны заливал все вокруг и придавал вещам синеватый оттенок. Мы болтали обо всем на свете и веселились, как и было положено подросткам.

Дерек с Люком достали из внутренних карманов куртки по две бутылки вина, которое мы разлили по стаканчикам, и вечер перестал быть таким грустным. Адель тоже немного оттаяла и вклинилась в разговор, словно не сидела мрачнее тучи час назад. Алкоголь приятно разливался по телу, расслабляя каждую мышцу и мгновенно туманя голову. Мне было это жизненно необходимо: расслабиться и выдохнуть.

Внезапно Люк предложил всем поиграть в бутылочку. Казалось бы, классика для всех подростковых компаний, банально и примитивно позволяющая перецеловать всех своих друзей, чтобы замутить с кем-нибудь. Но я была уже немного навеселе, поэтому, не растерявшись, согласилась. Кэнди слегка стушевалась, за что получила от меня легкий толчок в плечо.

– Эй, подружка, расслабься! Вдруг будешь целоваться только со мной, – я игриво ей подмигнула.

– Мне не очень нравится эта идея, Сара.

– Да ладно тебе, тут же все свои, – сказал Люк, поглядывая в ее сторону.

Это стало решающим фактором, потому что только слепой не замечал, как Кэнди по уши влюблена в Люка и готова была с руки его есть, лишь бы быть рядом. И, видимо, новичкам везет: Люк раскрутил бутылку первым, и горлышко указало на Кэнди. Более счастливого человека на планете было трудно найти, ибо лицо кудряшки светилось так, что видно из космоса. Люк перегнулся через импровизированное игровое поле и притянул Кэнди за подбородок. Он поцеловал ее очень нежно, но с языком, чем вызвал гул и улюлюканье остальных. Я улыбалась, смотря на этих голубков, продолжая потягивать терпкое вино. Мой план на сегодня был прост – надраться в хлам. И я методично следовала ему.

Следующим крутить стеклянного купидона досталось Бобби. Когда горлышко остановилось на мне, я поперхнулась вином, которое чуть не вышло через нос, ободрав слизистую изнутри.

– Давай, Бобби, не робей, – кричал заведенный Дерек

В глазах ботаника читался жуткий испуг, а я замерла в ожидании. Мое пьяное состояние сделало меня аморфной и совершенно спокойной, как обожравшийся удав. Я сама преодолела расстояние между нашими лицами и потянула Бобби за ворот куртки, прижавшись своими губами к его. На удивление, губы Бобби были мягкими и теплыми, в отличие от холодных стекол его очков, упиравшихся мне в щеки. Оказалось, это было не так страшно: поцеловать парня из вечной френдзоны. Ровно до того момента, как меня ослепил свет фар, и послышался рев моторов. Я резко отскочила назад, но Тёрнер-старший уже увидел все, что было нужно для моего публичного унижения.

– Боб, да ты самец! – Майкл слез с байка и направился к нам. За его спиной слышались крики одобрения и что-то про схожесть братьев Тернеров. – Детишки, жаль прерывать ваш нежный петтинг, но вам пора в кроватки. – Затем он наклонился к Бобби и похлопал по плечу. – Красавчик, бро.

Лицо Бобби залилось краской, а мне было уже слишком плевать. Я смерила презрительным пьяным взглядом Майкла с ног до головы. Мне показалось, что он заметил это и, в который раз, ехидно улыбнулся, подавая мне свою руку, чтобы меня поднять. Оказавшись близко к нему и так, чтобы остальные не

услышали, я с раздражением сказала:

– Ну хоть у кого-то из Тёрнеров есть яйца, и это я не о тебе, Майкл.

– Я не трогаю маленьких девочек, пока они сами об этом не попросят. А ты, принцесса, слишком гонористая и никогда этого не сделаешь, – он облизнул губы и направился к минивэну, куда ребята уже грузили наши вещи.

Это я не прошу? Да я вешаюсь на тебя, Майкл! Значит, дело совершенно не в этом.

Почему в наших словесных войнах у Майкла всегда был дробовик, а я размахивала виноградной лозой, хлопающей меня же по щекам? Это было просто невыносимо. Майкл Тернер – такой сладкий и запретный плод, который никак не давался в руки.

Под воздействием адреналина алкоголь начал отпускать мой разум, и я поежилась, ощутив ночную прохладу сквозь куртку. Я угрюмо поплелась к машине. Всю дорогу до дома я молча смотрела в окно, слушая гневную тираду Дерека о том, что он бы всех поцеловал, как Бог, если бы не козел Майкл. С его последней фразой я мысленно согласилась и продолжила разглядывать мелькающие пейзажи. В машине пахло бензином, сигаретами и морем.

Следующий день перевернул мой мир с ног на голову. Но вы же помните, что обо всем по порядку.

Ошибка

Моя рассеянность из-за бесплодных мечтаний о Майкле и хреновые отношения с мамой неминуемо сказались на успеваемости в школе. А это, на минуточку, выпускной класс: год, когда решалась моя судьба – буду ли я кричать «свободная касса» или же поеду в колледж. А для него нужны были либо деньги, либо возможность получить стипендию.

Рвать свой шикарный зад пришлось с удвоенной силой – я пропадала в библиотеке, ходила на дополнительные уроки и пыталась не запороть свое сказочное будущее в каком-нибудь пафосном универе Лиги Плюща.

Бобби после той вечеринки бегал за мной, как собачонка – дико раздражало, но я не могла позволить себе обидеть этого божьего одуванчика. Я просто мило улыбалась и прикрывалась Кэнди во время ланча, чтобы не находиться в зоне поражения Тёрнера-младшего. Бобби и френдзона были созданы друг для друга, как майонез и кетчуп в гамбургере.

Дерек уже в открытую жаловался всем нам на свой спермотоксикоз, а мы только подтрунивали над ним из-за того, что все знали – он девственник. Как и вся наша компания неудачников, включая и меня, кроме Адель. Но подробностями она не сыпала; мне показалось, что ее настроение в день пикника и этот факт были связаны, но расспрашивать я не стала. Отложу для более удачного случая.

Кэнди с Люком начали встречаться, но выглядело это словно Моринг позволяет ей просто быть с собой – я не лезла в их обреченно-токсичные отношения со своими саркастическими советами, чем вызывала молчаливую благодарность Кэнди всякий раз, когда наши взгляды встречались на общих посиделках. Мне было достаточно видеть ее довольное лицо вместо унылой физиономии.

А что до моей личной жизни, то она покоилась где-то на дне мирового океана, покрытая моллюсками и водорослями: в школе было много мальчишек, оказывающих знаки внимания, были даже достойные экземпляры. Но у всех был один весомый недостаток – они были не-Майкл-Тёрнер. Звучит глупо, но он стал моим незакрытым Гештальтом на протяжении вот уже двух месяцев. Хотела ли я добиться его расположения? Определенно, да. Знала ли я как это сделать? Ответ отрицательный.

Я пыталась понять, что же на самом деле он имел в виду тогда на пикнике. «Пока сама не попросишь» – это игра какая-то? А, может, просто ты сам, Майкл, боишься того, что может произойти межу нами? Боишься ответственности и моих раненных чувств, если что-то пойдет не так? Но кто, черт тебя дери, дал право решать за двоих?

***

Но вернемся к дню, изменившему если не все, то многое.

Меня оставили после уроков за крайне хреновые оценки по алгебре, и я вынуждена была просидеть два часа, выслушивая всякую математическую фигню, в которой моему мозгу было крайне трудно разобраться. В итоге, я опоздала на чертов школьный автобус, потому что вот уже сутки, как мою машину благополучно продали. Но мама заверила, что «мы обязательно найдем бюджетный вариант». Лет через 200, когда мне уже понадобится инвалидная коляска, видимо.

Я спускалась по широким ступеням школы, кутаясь в шерстяной кардиган. Порывы ветра путали волосы, и мой вид напоминал Чубакку – мохнатое нечто с волосами повсюду.

Но если видимость была нулевая, то слух отменный – абсолютно точно я слышала звук заглушенного мотора байка. Свободной от учебников рукой я откинула назойливые пряди от лица и нервно сглотнула. На школьной парковке стоял черный байк, оседланный Майклом-мать-его-Тёрнером собственной персоной. И этот гад изучающе смотрел прямо на меня.

Замерев на пару минут, я сделала глубокий вдох и продолжила на негнущихся ногах свое грациозное шествие по ступеням, придерживая рукой волосы. Ступеньки казались нескончаемыми, а мне потребовалась вся моя концентрация, чтобы снова не шлепнуться на задницу перед самым красивым человеком во Вселенной.

Он в этот момент слез с мотоцикла и быстрым шагом шел навстречу мне. Его походка – резкая, уверенная, что от одного вида перехватывало дыхание. Грубые ботинки, черные слегка потертые джинсы обтягивают его сильные ноги и фантастически красивый зад; черная футболка и темно-зеленый бомбер, идеально подчеркивающий цвет глаз, развевается от холодного ветра, рука зачесывает медные волосы назад.

Это сон? Майкл Тернер приехал за мной? Ущипните меня.

Когда мы поравнялись, он остановился напротив меня. Сомнений уже не осталось – он здесь по мою душу.

– Твой парень всю голову мне съел, чтобы тебя забрать со школы, – манерно закатив глаза, сказал Тёрнер.

– Тебе, пока ехал, ветром мозг сдуло? Какой парень? – изображать безразличие получилось плохо, но раздражение вышло отменно. Станиславский в кустах аплодировал стоя.

– Ах ты, маленькая шлюшка, целуешься не только с малышом Бобби? – Майкл прищурил глаза и хитро улыбнулся. – Какая развратница досталась моему брату.

После этой фразы он разразился громким хохотом, глядя на мое багровеющее лицо. Я сжала ладонь в кулак до белеющих костяшек, жар от моего лица моментально уносил холодный ветер, но глаза наливались кровью. Больше всего на свете в эту секунду я ненавидела Майкла Тернера.

– Чего тебе, Тёрнер? – с раздражением огрызнулась я.

– Воу, спрячь свои острые зубки и надень пластинку, принцесса. Бобби сказал, что тачку твою продали, а тебя оставили после уроков. Так что сегодня я по доброте душевной поработаю водителем школьного автобуса.

– Тогда нужно было брать мамин минивен, глядишь, подзаработал бы.

– Ох, вот молодёжь пошла, и это твоя благодарность? Ладно, тащи свой зад быстрее, холодно вообще-то.

Мой мозг кричал, чтобы я отбивалась от незаслуженных нападок, а тело молило остаться и уехать с Майклом – занозой в моей заднице. Он взял свой черный шлем и осторожно водрузил мне на голову, застёгивая ремешок под подбородком. Его запах, близость к моему лицу, руки на шее гоняли гигантские мурашки по всему телу. Он заглянул мне в глаза, и готова клясться на Библии – там горел огонь, иначе я не могла объяснить этот дьявольский блеск. Мысли убежали вниз живота, а лицо залило краской.

– Вот, теперь ты похожа на R2-D2, – бархатным голосом сказал Тёрнер. – Запрыгивай, и поехали.

Я никогда раньше не ездила на мотоциклах. Порыв ветра над моим телом, пресловутые бабочки в животе, когда мы наклонялись в поворотах, и постоянное жужжание мотора между моих бедер были крышесносными.

Обхватив его руками за талию, я уткнулась лицом в его затылок, наслаждаясь невероятной близостью моего тела к этому чертовски сексуальному байкеру. Улицы проносились мимо нас, сливаясь в одну длинную дымку. Я откинула голову назад и поддалась ветру, ласкающему мое лицо.

– Приехали, принцесса, вываливайся, – он ловким движением спрыгнул с железного коня и подошел ко мне, избавляя от громоздкого шлема. Неожиданно, он протянул мне свою руку, помогая слезть с этой махины. Я никогда не думала, что прикосновение может отозваться электрическим разрядом по телу. Простое прикосновение руки к руке, а в голове уже летали белые мотыльки, и низ живота наполнялся теплом.

Но дальше произошло то, чего я не ожидала даже в своих самых смелых фантазиях относительно Майкла. Он приподнял мой подбородок рукой, встречаясь со мной взглядом. Где-то по пути я уже потерялась в его изумрудных глазах, и за это время он наклонился так, что его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего.

Я не могла поверить, как сильно жаждала его прикосновений. Неужели я действительно испытываю такие сильные чувства к человеку, с которым, по сути, знакома урывками? Я чувствовала его дыхание на своих приоткрытых от удивления губах. Воздух выходил из меня, заставляя делать усилие, чтобы дышать. Мое сердце колотилось в груди, казалось, целую вечность, пока он не наклонился и не коснулся своими губами моих, посылая электрический импульс через мое тело. Мои губы ответили ему.Он еще сильнее прижался губами к моим губам, запутывая наш поцелуй. Я открыла рот шире. Он скользнул языком внутрь, вызвав глубокий стон, когда удовольствие от его голодных губ волной прокатилось по моему телу. Я никогда не чувствовала ничего подобного.

В следующий миг Майкл прервал поцелуй, выругавшись как будто на себя, и отпустил мое ошеломленное лицо.

– Извини, я не должен был этого делать. Это была ошибка, Сара.

Я не успела ничего ответить, когда увидела, как он резко запрыгнул на мотоцикл и, в прямом смысле, бежал от меня, как от огня. Я стояла на подъездной дорожке собственного дома, пребывая в немом шоке от случившегося. На губах горел поцелуй Майкла-мать-его-Тёрнера.

Работа над ошибками

«Вы узнаете, что это любовь, когда все, чего вы хотите, – чтобы этот человек был счастлив, даже если вы не будете частью его счастья».

Ошибка? Ты по ошибке залез в мой рот языком вместо того, чтобы что: проводить до двери, съязвить насчет моего возраста, зада, отношений с ботаником-братом? Да что с тобой не так, Тёрнер? Или со мной?

Мысли неслись в голове, не успевая задерживаться больше, чем на секунду. Все, что я чувствовала в данный момент, стоя на подъездной дорожке дома: обида, злость, раздражение и дикое желание снова ощутить вкус его губ. Такое неопределенное дерьмо меня явно не устраивало, и нужно было найти способ поговорить о том, что случилось между нами.

Я зашла в дом и уперлась лопатками в дверь, захлопнув ее. Закрыть глаза и пытаться дышать. Губы горели как после жгучего перца – этот яростный и отчаянный поцелуй был пугающе прекрасным. Я пыталась вспомнить выражение глаз Майкла, когда он отстранился от меня. Там было сожаление и глубокая боль.

Но отчего, Майкл? Почему все не может быть предельно просто? Ты, я и тот отрезок времени, который сделает нас счастливыми влюбленными идиотами.

Я стояла возле двери, непроизвольно водила пальцами по своим губам и ощущала запах моря и бензина. Лучший аромат в моей жизни. Аромат Майкла-мать-его-Тёрнера.

Через пару минут выйдя из транса, я поднялась в свою комнату, закинув сумку с учебниками в дальний угол рядом с кроватью. Затем я открыла окно, впустив

прохладный осенний воздух внутрь, попутно обшаривая пальцами нишу под подоконником. Смятая полупустая пачка сигарет вывалилась в мою ладонь.

Я не курила с тех пор, как мы уехали из Балтимора, хотя по всем мозгоправным книжкам, я должна была смолить как паровоз от нахлынувшего стресса. Переезд в другой город в выпускном классе, скорый развод родителей, безразличие родной матери – это ничто по сравнению с тем, что парень, от которого у меня внутренности переворачиваются, целует и убегает прочь со словами «это была ошибка».

Усевшись с ногами на широкий подоконник, я укуталась посильнее в свой кардиган, подкурила и глубоко затянулась. Дым обжег легкие, рот наполнился горечью смолы, а в голове резко закружился реальный мир. Я откинулась чуть назад и выдохнула плотное облако дыма. Сердце отбивало чечетку, а к горлу подступил ком. Не хочу и не буду больше себя сдерживать. Оставшиеся в пачке сигареты и безудержные слезы скрасили время до прихода мамы.

***

Мне потребовалось две недели, еще одна пачка сигарет и банка «Budlight», чтобы набрать номер Тёрнеров. Солнце уже перевалило за горизонт, в комнате стоял полумрак, позволяющий мне не краснеть, как я наивно полагала. Переминаясь с ноги на ногу, заламывая руки, я все же набрала заветные цифры трясущимися пальцами. Конечно же, трубку схватил Бобби.

Черт, я даже спасибо ему не сказала за его беспокойство. Так, окей, первая фраза обозначена. Что дальше, Сара?

– Алло?

– Привет, Бобби. Это Сара, – голос дрожал, и я просто закрыла глаза, чтобы сконцентрироваться. – Слушай, я так и не сказала спасибо за то, что ты попросил Майкла меня забрать после школы. Мне, правда, очень приятна твоя забота, в смысле, дружеская.

И я услышала характерный звук, когда в разговор вклинивается кто-то еще. Мое сердце камнем рухнуло вниз, унося остатки сознания. Я знала, что это был ОН.

– Не стоит, честно. Друзья, – голос Бобби дрогнул, – должны выручать друг друга, да?

– Привет, ребятишки! – голос Майкла бархатный, укутывающий и слегка озорной раздался в трубке. – Бобби, да ты метишь в короли френдзоны? Будете практиковать секс по дружбе? Ну, там взаимопомощь, все дела? – он глупо хихикнул в трубку.

Сказочный идиот, ей Богу.

И снова рык Бобби, падающий телефон и топот ног.

– Сара, нам надо поговорить, – тон Майкла превратился в кремень.

– Да? О чем же? – непробиваемо ледяным тоном ответила я. Господи, лишь бы не упасть прямо тут.

– Проведем работу над ошибками, – последнее слово он подчеркнуто выделил. – Если у тебя нет никаких планов, я заеду через 15 минут. Оденься теплее.

И снова крики Бобби, резкие шлепки, шум возни, запыхавшийся очкарик и короткие гудки в трубке.

Я стояла как вкопанная посреди гостиной. Хотела и получила это – возможность встречи с Майклом наедине. Погрузившись в свои мысли, я укусила нижнюю губу до крови и вскрикнула от боли. Сердце уже не билось, оно вырывалось из моего бренного тела и летело за пределы атмосферы.

У меня было пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок, и я вихрем взлетела по лестнице. Джинсы, теплый оверсайз свитер с широким горлом, грубые ботинки и кожаная куртка – идеально для закатных покатушек на мотоцикле. Маме я оставила записку, что ушла к Кэнди, предварительно позвонив той и предупредив, чтобы прикрыла мою задницу.

– Крошка, объяснения будут позже, – я протараторила в трубку. Кэнди в ответ таинственно засмеялась и пожелала хорошего вечера.

Чтобы скоротать минуты, тянувшиеся вечность, я снова закурила у себя в комнате, когда услышала этот будоражащий все мое нутро звук мотора. Наспех затянувшись, я затушила окурок и пулей вылетела из дома. Майкл приглашающим жестом стукнул по сидению позади себя. Меня не нужно было просить дважды, но сдаваться легко я тоже не хотела. Я подошла к байку, покачивая бедрами.

– Прокатимся, принцесса? – он внимательно посмотрел в мои глаза и снова сделал это: рукой зачесал свои медные волосы назад. Никогда больше так не делай, это заставляет меня влажнеть в самых нежных местах, Тёрнер.

– А ты точно по адресу? Вдруг ошибся, снова? – я изогнула бровь и поймала его взгляд на своих губах. Черт, ты попался с потрохами, Майкл.

– Уверен, что адресом не ошибся: здесь только одна стервозная малолетка, похожая на Чубакку в своем вязаном кардигане. Сара О’Нил зовут, слыхала о такой? – его взгляд смягчился, и лукавые морщинки прошли вокруг глаз.

– Я думаю, что нам уже становится не о чем разговаривать. Хорошего вечера, Тёрнер, – я уже разворачивалась в направление дома, как его теплые пальцы схватили меня за запястье, притягивая к себе.

– Успокойся и садись, нужно поговорить как взрослые, если сможешь, – он смотрел на меня самым серьезным взглядом на свете, и я решила, что пока повременю со словесными перепалками.

Мы мчали по улицам ненавистного мне города, который на скорости превращался в светящуюся линию в подступающих сумерках. Я хотела забыться в одном этом моменте, где нет ничего, кроме меня и Майкла, выжимающего педали акселератора, и ехать, пока не кончится дорога. Мои волосы трепал ветер, а я просто молча прижалась всем телом и лицом к крепкой спине, обнимая Майкла обеими руками за талию. Я не видела его лица, но, когда я немного сдвинула ладони, в направлении его груди, он легко вздрогнул, но ничего не сказал. Я посчитала это молчаливым знаком согласия и прижалась еще сильнее.

Дорога заняла около получаса, и мы остановились на вершине какого-то холма, с которого открывался сумасшедше красивый вид на Сентфор: одноэтажные и

двухэтажные дома внизу казались кукольными, утопая в разноцветных огнях улиц и светофоров; машины и люди превратились в мелкие точки.

Мы оба слезли с байка, на секунду повисло неловкое молчание, но его прервал тихий и спокойный голос Майкла. Он слегка оперся о сиденье, подкурил сигарету и попросил меня встать напротив, взяв мою руку. Я послушно подошла ближе, так что его вытянутые и скрещенные ноги оказались между моих.

– Ты собрался разговаривать со мной верхом на себе? У тебя явные проблемы с коммуникацией, Тёрнер. – Я старалась держаться дерзко и не заинтересованно. Хотя, обоим был очевиден мой блеф.

– У меня явные проблемы с тобой, Сара, – он смачно затянулся и выпустил клубы дыма в вечерний синий воздух. – Я редко теряю контроль над собой и своими эмоциями, потому что я – не зефирная девочка семнадцати лет. И то, что произошло, – он нахмурил брови и взглянул на меня, сверкнув глазами, – для меня совсем не свойственно. Потеря контроля, Сара, это плохо. В моем случае, плохо для нас обоих.

Я чувствовала, как кровь бежала по моим венам со скоростью болида формулы-1 с отказавшими тормозами, а пальцы леденели в задних карманах моих джинс. Я смотрела в изумрудные глаза и пыталась разглядеть хоть какую-то эмоцию, но сейчас они превратились в безжизненный камень, не выражающий ничего. Я молча продолжала слушать.

– Пойми, малыш, я не подхожу на роль первой любви и всех этих розовых соплей. Я творю всякое дерьмо по жизни, которое, я уверен, ничем хорошим для меня не кончится, и потому не ищу серьезных отношений. Да вообще любых близких отношений.

– А как же та красноволосая красотка в коже с пикника? – слова вылетели пулей из меня.

– Ну вот, ты уже ревнуешь, – он грустно улыбнулся. – Боевая подруга, помогающая периодически снять напряжение, не больше. Позволь, я договорю, и не перебивай. – Майкл поджег вторую сигарету, озарив свое лицо теплым пламенем зажигалки. Боги, как же он прекрасен! – Я не про любовь, Сара, а тебе не нужен печальный опыт болезненных отношений, поверь мне на слово. Я уже

обжегся, сделав необдуманную глупость, по пьяни. А теперь разгребаю эту хрень до сих пор. Не хочу коллекционировать разбитые сердца малолетних девочек. И не хочу делать больно тебе, принцесса. Ты красивая язвительная стерва, которая сама разобьет не одно сердце хлюпикам, типа Бобби. Но нам однозначно не по пути. – Он опустил глаза, выпустив клубы сладковатого дыма, и выкинул окурок двумя пальцами.

Я сглотнула ком обиды и быстро смахнула с глаз подступившие слезы.

– Зачем ты поцеловал меня, Майкл?

– Потому что я – несдержанный дурак. Сойдет за достойную мотивацию?

– Вообще, нет, – я придвинулась еще ближе и взяла его лицо холодными пальцами, заставив посмотреть мне в глаза. Руки Майкла скользнули мне под свитер, сомкнувшись на талии.

– Ну, а как сейчас с самоконтролем? – я наклонилась к Тёрнеру, сокращая расстояние между нашими лицами. Его теплые пальцы блуждали вокруг моей талии, спускаясь к бедрам и прижимая ближе к себе, горячее дыхание с запахом моря и табака опаляло мое лицо.

– Не очень, как видишь, – прорычал он мне в губы и резко перехватил запястья, отворачивая голову в сторону, словно стряхивая наваждение.

Сама того не ожидая, я отвесила ему звонкую пощечину, оставив след, который горел даже в темноте осеннего вечера, на что он злобно сверкнул своими кошачьими глазами, резко встал, возвышаясь надо мной, словно скала, и крепко прижал к своей груди.

Он не выпускал меня из своих медвежьих объятий, даже когда я лупила по его стальным рукам своими ладонями и сыпала ругательствами, которые свойственны портовым рабочим, нежели девочкам. Майкл обнимал меня до тех пор, пока я не обмякла и не выплакала все, что у меня было в запасе.

– Сара, я все сказал. Прости меня, принцесса. Я так не могу. Не должен, – он поцеловал мои волосы и нежно погладил меня по голове.

День рождения

Я не помню, как Майкл привез меня домой, как мы попрощались, и как я оказалась в кровати – время перестало существовать, а в груди зияла дыра размером с земной шар. Как будто из тебя вытаскивают все чувства, эмоции, внутренности и бросают в помойную яму. А ты стоишь и наблюдаешь за всем этим, улыбаясь своему Потрошителю. И не можешь уже почувствовать ни-че-го.

Проклятый город, ненавижу. Он отравляет всё живое здесь. Быстрее бы закончился год, и я уеду в новую жизнь, в которой будет место чему-то хорошему.

Дни незаметно пролетали один за другим, усугубляя состояние опустошенности и апатии ко всему. Живёшь и дышишь по инерции, потому что просто так нужно. Сентфор – маленький город, в котором невозможно не пересечься со знакомыми людьми: здесь все друг о друге знают и судачат при любом удобном случае. Но, либо у Майкла был плащ-невидимка, либо просто свалил из города, потому что он пропал. Даже, когда мы болтали с Бобби по телефону, я больше не слышала этих характерных звуков второй линии. А моё сердце прыгало где-то у горла и молило о том, чтобы просто слышать этот «щёлк» и очередную злую шутку бархатным голосом. Этого мне было бы достаточно.

Состояние побитой собаки было невозможно скрыть от друзей, которые то и дело заваливали меня вопросами. Я лишь отмахивалась и что-то бубнила про переживания из-за развода родителей. Все сочувствующе смотрели и позволяли мне периодически рыдать в голос. Все, кроме Адель: взгляд был испытывающим и злым, её раздражало моё общество и мои рыдания. Сказать, что это было странным – это промолчать в подушку. Но это меня мало волновало, и я самозабвенно страдала.

Осенняя сырость сменилась белоснежными морозами. Но даже под сверкающим покрывалом снега Сентфор выглядел так, словно был посыпан пеплом. Или просто я хотела, чтобы этот мир горел. Приближающийся день рождения не добавлял ярких красок, но ребята старались изо всех сил сделать меня чуточку счастливее. Было решено устроить вечеринку у Морингов, пока родители Люка и Адель путешествовали по Европе в поисках очередных антикварных шедевров

для домашнего музея.

Дерек и Люк взяли всю организацию на свои плечи, а мне было велено лишь не опаздывать и нормально выглядеть. Хотелось верить, что я хотя бы здесь не налажаю.

***

Неделя приготовлений и вот он – самый лучший день для любого подростка – день рождения. Привет, я Сара О’Нил. И сегодня мне исполняется восемнадцать. Меня разбудил стук в дверь и непривычно спокойный и ласковый голос мамы.

– С Днём Рождения! Вставай, соня. Сегодня нас ждёт много великих дел.

– Каких, например? – я сонно пробурчала, потягиваясь.

– Как насчёт блинчиков в кафетерии? Давай, поднимайся и собирайся. Я жду тебя внизу, –в голосе мамы читалось какое-то воодушевление и нетерпение.

Слишком странно, слишком. Я нехотя стянула одеяло и отправилась приводить себя в приличный вид: чего не сделаешь, ради блинчиков с кленовым сиропом в день рождения.

Я спустилась в гостиную, где, нервно теребя что-то в руках, стояла мама. Она улыбалась. И это было тоже слишком. В нашем доме единственная улыбка, которая воспринималась бы уместно – безумный оскал Джокера. За месяцы нездоровых и токсичных отношений дом перестал быть моим местом силы; поток невыносимых мыслей прервал СЛИШКОМ высокий голос мамы:

– Милая, я знаю, что тебе пришлось непросто, и ты молча переживаешь всё, что навалилось на нас в этом году, но, видит Бог, я хочу всё исправить и снова видеть тебя той самой Сарой, которая непринужденно смеётся и радуется жизни, – я с любопытством посмотрела на неё и слегка изогнула бровь.

– Мы снова переезжаем в Балтимор? – надежда сочилась из моих слов, но я знала, что этому не суждено случиться раньше окончания школы.

– Ну, возможно, ты сама сможешь отправиться туда, когда придёт время, – она помедлила, – на своей машине. – Мама подошла ко мне вплотную и попросила протянуть руку. В ладонь упал ключ зажигания. Не веря своим глазам, я крепко обняла её, сжимая руку с ключами. По щекам потекли горячие слезы, и я почувствовала, как мама тоже тихонько всхлипнула.

– Ну что, поехали завтракать? – мама вытирала мокрые щеки ладонями.

– Чур, я за рулем, – впервые за долгое время я искренне рассмеялась сквозь слезы.

Я выбежала из дома, и на подъездной дорожке стоял мой личный Додж Интерпид. Он был подержанным, но разве это имело значение, когда у меня в руках были ключи от свободы. Нетерпеливо открыв водительскую дверь, с чувством абсолютнейшей эйфории я плюхнулась в кожаное сиденье, поглаживая руль и вдыхая аромат салона. И тут меня словно окатило ледяной водой на морозе: в нос ударил свежий запах долбанного моря. Гневно устремив свой взгляд на причину своего недовольства, я сорвала с зеркала злосчастную елочку, словно она была виновата во всем том дерьме, которое со мной происходит. Никакого запаха моря в моей тачке и в моей жизни. И никакого Майкла Тёрнера. Хватит уже убиваться: он мне ясно дал понять, что ничего быть не может.

Живи дальше, Сара. На нем свет клином не сошелся.

На удивление, завтрак с мамой оказался не обременительным времяпрепровождением. Я чувствовала, что она пытается: пытается заново строить мосты, на обломках которых покоилась семья О’Нил. Было бы свинством не дать ей этот шанс, все же она моя мать. Благодаря ей, я здесь уплетаю блинчики и запиваю ароматным кофе в закусочной «у Бенни». Когда с завтраком было покончено, я рассказала маме о планах на вечер с друзьями; она ласково посмотрела на меня и накрыла мою ладонь своей:

– Развлекайся, детка, сегодня твой день, – она легонько чмокнула меня в лоб.

Моя плаксивость убивала меня не меньше, чем тех, кто был вынужден это лицезреть, но в этот раз я сдержала слезы и глубоко вдохнула.

– Спасибо, мам. Спасибо за все.

***

Молочного цвета укороченный жакет в стиле Шанель и черная мини юбка с цепочкой на талии, черные колготки со стрелкой сзади, черные полусапожки на шпильке, легкий объем на распущенных каштановых волосах – и вот из зеркала на меня смотрела совсем другая Сара.

Накинув пуховик, я вышла на улицу, вдыхая морозный вечерний воздух, который щекотал нос. От этого давно забытого детского ощущения я невольно улыбнулась. Все-таки, стоит дать себе второй шанс и попробовать не впадать в депрессивные состояния. Мне восемнадцать, у меня есть друзья, которые заботятся обо мне: они закатили вечеринку в мою честь, мама вспомнила о моем существовании, я все так же шикарно выгляжу в приличной одежде, и у меня есть мой Додж. Я села в машину, прикрыла глаза от удовольствия, услышав, как мурлычет двигатель под капотом, и отправилась по вечернему городу к дому Морингов.

***

Напитки лились рекой, музыка гремела на всю округу, рой воздушных шаров и гирлянды по всему холлу растопили мой лед, и я просто отдавалась моменту. Люк с Кэнди самозабвенно обжимались на диване, пока Дерек и Адель соревновались в алкогольной выдержке; Бобби смешно плясал в центре зала, словно отбивался от улья пчел. Я сидела в кресле, потягивая виски, и наблюдала, как вокруг кипит жизнь. В какой-то момент Адель подняла руку в воздух и заплетающимся языком предложила сыграть в «правду или действие». Дерек зловеще оскалился и глянул на рыжую, подмигнув ей.

– Ребят, вы серьезно? – прыснула я. – Типа, мы еще не всё дерьмо друг о друге знаем? Или кому-то хочется покаяться в грехах прилюдно? – При этих моих словах взгляд Адель превратился в сталь, и она ухмыльнулась.

– Я думаю, у тебя их за восемнадцать лет прилично наберется.

– Боюсь, ты разочаруешься: моя жизнь скучна, как пачка чипсов, – я сделала глоток, – но давай попытаем удачу. Играем!

Все уселись в круг, сжимая свои напитки в руках. Право первого хода было доверено мне как имениннице. И я направила свой взгляд на Дерека.

– Правда или действие, дружище? – я озорно ткнула пальцем в его сторону

– Действие, – он отпил пиво из бутылки

– Да ты дерзкий! Тогда поцелуй Адель, – я улыбалась, глядя, как краснеет рыжеволосая.

– Сара, ну ты и заноза, – она с раздражением выплюнула ту фразу, но не успела опомниться, как Дерек схватил ее за талию и притянул к себе, вонзаясь губами в рот Адель. Мы все заорали, как ненормальные, подбадривая парочку. Когда же они отлепились друг от друга, Дерек победно поднял подбородок и еле заметно шепнул мне одними губами «спасибо».

Следующая провокация была брошена Дереком в Бобби. Ботаник опрометчиво выбрал правду, за что поплатился в следующую секунду.

– Бобби, ты хочешь присунуть Саре? – он еле сдерживал смех и наблюдал за реакцией Тёрнера. Бобби надулся, как воздушный шар, багровея на глазах.

– Дерек, ну ты и придурок, – бросила Кэнди, – что ты хочешь этим добиться?

– Бобби, можешь не отвечать, – я хихикнула в стакан, делая серьезный вид.

– Ну же, Бобс. Мы ведь друзья, у нас нет тайн друг от друга, – подначивал Люк.

Бобби вскочил на ноги и, обозвав всех кретинами, бросился вверх по лестнице.

– Ну вот, все веселье испортил, Тёрнер, – Дерек залпом допил пиво. – Тогда, давай ты, Люк, выбирай жертву.

– Любимая сестренка, что выбираешь? – Люк лукаво посмотрел на Адель.

– Правду, братец.

– Кто был тот рыжий бугай с татухой, под которым ты так отчаянно стонала на кухне? – Лицо Адель вспыхнуло алым пламенем, а глаза излучали боль.

– Какого хрена, Люк, мы же обсудили уже. Ты сказал, что сдержишь это в секрете, кретин! – она закричала.

– Да скажи уже, что ты трахалась с Майклом Тёрнером, Адель, выпусти уже это и не держи в себе!

Мой мир потух и перестал существовать прямо сейчас. Неужели это именно то, что Майкл имел ввиду, говоря об ошибках по пьяни? Нет, это не может происходить со мной, в мой день рождения, это нереально, я сплю. Он отвергает меня, но переспал с Адель? В голове не укладывается.

Я на ватных ногах встала и молча направилась к бару, наполняя бокал до краев. До меня доносились отдельные слова из перепалки Морингов, но я уже не слушала. Я пила залпом, глотая огненный виски и лившиеся градом соленые слезы, стараясь не упасть на пол. Еще бокал. Внутренности горели, а в голове стояла оглушающая тишина. Сердце, казалось, замерло, а потом снова застучало с бешенной скоростью.

– Ребят, прекратите, сегодня же праздник у Сары! – Кэнди пыталась потушить этот семейный пожар, но получалось не очень.

– Всё в порядке, я пока выйду, подышу воздухом, – собрав себя, я направилась в сторону выхода.

Трясущимися руками я достала сигареты и подкурила. Тело пробивало дрожью, и я пыталась найти опору, облокотившись на ограду небольшой террасы. Слова Люка, словно уколы рапиры, били точно в цель.

«Ты трахалась с Майклом Тёрнером, Адель». Ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу!

Я била рукой в изгородь, пока не почувствовала, как что-то теплое струйкой бежит по ладони. Чертовы гвозди! Я завороженно смотрела, как багровые капли с ладони стекают на запорошенную снегом террасу, расплываясь в причудливые

кляксы на белом покрывале. И меня стало отпускать: злоба и обида в момент превратились в безразличие. Я подкурила вторую сигарету и молча смотрела в темноту, пахнущую железом, табаком и горечью разочарований.

Из раздумий меня вырвал стремительно выходящий из дома Бобби. Он выглядел не менее подавленным и смущенным при виде меня.

– Сара, прости за этот цирк, просто кто-то перебрал уже, – он потупил взгляд и увидел мою руку. – Что с тобой, у тебя кровь? Давай забинтую, – он протянул мне платок, аккуратно заматывая пораненную ладонь.

– Ты слишком добр ко мне, Тёрнер. Ты мой самый лучший друг, Бобби. Прости, я знаю, ты бы хотел быть больше, чем друзьями, но я не могу тебе предложить этого.

– Чш-ш, все в порядке, Сара. Клянусь, я всегда буду рядом и буду твоим другом, – Бобби все еще держал меня за руку.

Я подалась чуть вперед и обняла его. Не замечала раньше, что он на полголовы выше меня. И он такой хороший. Хороший друг. Я уткнулась лбом ему в грудь.

– Спасибо тебе, Бобс.

Алкоголь начал незамедлительно догонять мой ослабевший организм, и я проваливалась в пьяное забытье. Мы стояли в обнимку с Бобби уже минут десять, по моим нетрезвым подсчетам, как я услышала до боли знакомый звук в тишине. В открывающиеся ворота въехал черный байк с драконом на бортах.

– Сара, мне пора, – раздался взволнованный голос Бобби над моей головой.

Слабый отблеск сигареты в темноте и его зеленые горящие глаза, снег на медных волосах. Ненавижу тебя, Тёрнер. Я отпустила Бобби и, вздернув подбородок, сказала громче, чем следовало:

– Майкл, даже не зайдешь поздороваться с хозяевами? Прошуршать с Адель на кухне?

Глаза Бобби округлились, и из него вырвалось: «Черт!»

– Ты знал, Бобс? Ты все знал и не рассказал об этом? – я истерически засмеялась, не веря своим ушам.

Лицо Майкла исказила гримаса ярости, он сжал кулаки и направился в сторону дома Морингов.

– Боб, быстро сядь и жди меня здесь, – на секунду Бобби замешкался. – Я не повторяю дважды, быстро сел! – Майкл прорычал это сквозь зубы.

Я стояла, покачиваясь и глядя ему в глаза своим мутным взором. Виски неожиданно сработал в самый неподходящий момент, и меня начало пошатывать. Майкл сократил расстояние между нами за считанные секунды и угрожающе навис надо мной, хватая за забинтованную руку.

– Не веди себя как ревнивая жена, Сара. Тебя это не должно волновать, – он прошипел мне это прямо в лицо, сжимая мою ладонь, отчего кровь просочилась сквозь платок и осталась на его пальцах. Майкл поднес руку к своим губам и облизнул каплю крови. – Ты такая же сладкая, как и ядовитая, О’Нил. Я хотел бы, чтобы все было иначе, – он заглянул в мои влажные глаза, отчего голова закружилась с удвоенной силой. – Это тебе, – он достал из внутреннего кармана куртки синюю коробочку. – С Днём рождения, принцесса. И раз ты пьяна в стельку, что видно невооруженным глазом, гони ключи от своей тачки, чтобы ты не вогнала меня в еще большую задницу, – я уставилась на его озабоченное лицо с видом «да плевать я хотела, чего ты там хочешь». – Сара, не заставляй меня повторять. Ключи, – он раскрыл свою ладонь.

– Отвали, Тёрнер. Ты мне кто? Папочка? Я сама решаю, что и как мне делать, проваливай. И спасибо за то, что ты там мне дал. Пока, Бобби, – я уже было вскинула руку в прощальном жесте, как рядом с моей головой пронесся кулак Тернера, воткнувшийся в деревянную опору.

– Да чтоб тебя, Сара. Ключи! – ярость с примесью заботы? Это что, нахрен, за эмоции? Ты переживаешь за меня, Тёрнер? Сердце прыгнуло прямо в пятки, и я нервно сглотнула, протягивая дрожащими пальцами ключи от машины. – Я заеду за тобой завтра, проспись, – Майкл развернулся и направился к ошалевшему Бобби.

Я стояла на террасе дома Морингов, наблюдая, как мотоцикл рвется с места и исчезает в ночной дымке. В правой руке саднило, и я вспомнила о коробке, которую вручил мне Майкл. Продрогшими пальцами я открыла квадратный футляр.

На бархатистой подушечке лежала подвеска в форме дракона с изумрудным глазом.

Сладкое похмелье

Дикая головная боль: вот, что я ощутила в свой первый день, переступив порог относительного совершеннолетия. Моя голова сейчас была похожа на один из тех африканских барабанов, на который слишком сильно натянули кожу, и он норовил лопнуть от легкого прикосновения.

– Матерь Божья, да за что же так плохо? – я зажмурила глаза от слишком яркого света в комнате и прижала руки к вискам, стараясь удержать выпрыгивающий через уши мозг.

В рот как будто песка насыпали или заставили пожевать пушистый одуванчик. Ну, привет, первое похмелье! Гром в висках гремел при любом даже малейшем моем движении. Я попыталась привстать, оперевшись на локти. Это было моей стратегической ошибкой: от таких космических скоростей моего тела желудок скрутило, и поток кислоты вместе с паникой подступил к горлу. Не успев подумать, я схватила первую попавшуюся под руку емкость – урна для бумаг возле стола, рядом с кроватью.

Первая мысль после произошедшего: Больше. Никогда. Не. Буду. Пить. Ни-ко-гда.

Вторая мысль после того, как это повторилось еще трижды: Где ванная?

Оглядев комнату, наконец-таки, не затуманенным взглядом, я обнаружила, что нахожусь, скорее всего, в гостевой спальне: сдержанный и минималистичный дизайн, но с теми же нотками музейного шика – повсюду холсты, гипсовые бюсты и прочий богемный хлам. Из спальни было два выхода; направившись к ближайшему я с облегчением выдохнула. Сняв свой вчерашний праздничный комплект, я стояла абсолютно голая у мраморной столешницы напротив огромного зеркала в позолоченной раме. Постепенно глаза стали округляться, и мозг проворачивал на реверсе все события минувшего вечера. Я надралась в сопли из-за того, что Адель спала с Тёрнером; уехать я не могу, потому что ключи от Доджа тоже у Тёрнера, а на моей шее красовался подарок Майкла Тёрнера – цепочка с подвесом в виде дракона. А не слишком ли до хрена в моей жизни не моего Майкла-мать-его-Тёрнера, а? Я со злостью ударила в столешницу правой рукой, о чем тут же пожалела – вчерашняя ранка снова закровила.

– Пф, можно мне просто утренний душ, Господи? Без флешбэков и новых травм, – сказала я своему отражению и направилась к душевой кабинке.

Закончив приводить себя в свежий и не потрепанный вид, вышла из комнаты и направилась в сторону кухни. Я уповала на горячий кофе и какую-нибудь еду. Уже будучи достаточно близко к цели, я услышала приглушенные звуки: мужской низкий голос, судя по интонации, что-то злобно объяснял, а второй источник только всхлипывал.

Чем ближе я подходила, тем становилось яснее: в кухне Майкл и Адель. Стиснув зубы, я все же вошла – Тёрнер-старший в толстовке с капюшоном и джинсах стоял спиной к двери, упираясь в кухонную тумбу кулаками, сжатыми до побелевшей кожи. Напротив него стояла Адель, закрывая лицо ладонями: ее плечи тряслись от неконтролируемых рыданий. Я понимала причину этого разговора и немного жалела Моринг, но не хотела знать ни единой подробности. Я всего лишь хотела кофе и поскорее оказаться дома со своей тачкой.

Заметив мое появление, Адель поспешно вытерла слезы тыльной стороной ладоней, скрещивая руки на груди и отводя взгляд. Тёрнер обернулся на звук шагов, и мы встретились взглядами. Он был зол и чем-то озабочен, но, увидев меня, в глазах появилось облегчение, и из темно-болотных его радужка снова стала цвета чистого изумруда.

Я тысячу раз проклинала себя за чувства, которые просыпаются во мне при виде Майкла. И сейчас был тысяча первый. Как бы больно и обидно мне не было, я

призналась себе, что нуждаюсь в этом человеке и не готова отказаться от его присутствия в моей жизни.

– Извините, если помешала, – я выдавила виноватую улыбку.

– Ты не помешала, мы уже обсудили все, правда, Адель? – он грозно посмотрел на рыжую и сделал акцент на каждом сказанном слове. – Собирайся, я отвезу тебя домой, – Майкл даже не дал попрощаться с ребятами и сгреб меня в охапку, настойчиво проталкивая в сторону выхода из дома.

Когда мы оказались на улице, я вдохнула полной грудью, выпустив теплые струйки пара в морозное утро. Голова все так же раскалывалась, общее состояние было гораздо лучше. Но кофе не помешал бы. С мыслями об ароматном напитке я направилась в сторону водительской двери, и снова на моем пути встал Тёрнер. В этот раз я с разбегу вписалась в его спину, уткнувшись носом в район его лопаток. Мой личный котел в аду имел бы именно этот запах – морской бриз, терпкий табак и бензин.

– Как ты с такой координацией вообще дожила до старшей школы? – он развернулся через плечо и мягко улыбнулся. Сердце пропустило пару десятков ударов, пока я, как завороженная, смотрела на его двигающиеся пухлые губы. – Хьюстон, у нас проблемы? – Майкл помахал рукой перед моим носом.

– А? Что? Нет, никаких проблем, Тёрнер, гони ключи, – я подошла вплотную к водительской двери и протянула руку в нетерпеливом жесте.

– Ты вот сейчас серьезно, О’Нил? Посмотрись в боковое зеркало, помаши Гринчу в отражении и дай дяде довезти тебя до дома живой и не заблевавшей салон, – он расхохотался в голос, мягко оттесняя меня обеими руками от машины.

– Блять, Майкл, да какого хуя ты так себя со мной ведешь, командуешь? – я топнула ножкой, осознавая комичность ситуации, но я была в бешенстве.

– Оооо, – протянул он, вскинув брови, – я еще тебе рот с мылом помою. Быстро закидывай свой прекрасный зад в машину. Сара, я сейчас не шучу. Быстро.

Это незаконно – быть таким! Таким, которого слушаешься, открыв рот. Просто, потому что колени подкашиваются от одного звука твоего имени, которое вырывается из его красиво очерченных губ, как урчание кота.

– Ебучий святоша в татухах. Ненавижу тебя, Тёрнер, – буркнула я себе под нос. Под его пристальным взглядом я плавилась, злилась, проклинала себя и сходила с ума. И, конечно же, покорно шла к пассажирской двери.

Отодвинув кресло чуть дальше, я благостно откинулась назад и небрежно кинула скрещенные ноги на приборную панель, чем привлекла заинтересованный взгляд Майкла. Он позволил себе задержать взор всего на доли секунд, но я знала – он смотрит на мои ноги. Довольно ухмыльнувшись, я сложила руки на груди и прикрыла глаза.

– Ну давай, папочка, вези меня домой, – сарказм сочился из каждого сказанного мною слова.

Майкл пропустил мою детскую колкость мимо ушей и молча завел мотор. Мы выехали из резиденции Морингов под играющий в магнитоле Where Is My Mind? – Pixies. Да уж, я бы тоже хотела знать, где мой разум, когда рядом Майкл-мать-его-Тёрнер.

Его скульптурные руки вели мою машину. Его зеленые глаза с опущенными веками неустанно следили за дорогой. Его челюсти были сурово сжаты. А я больше всего на свете хотела дотронуться до этого прекрасного лица, частично скрытого от меня капюшоном черной толстовки и растопить этот лед своей нежностью.

***

Сара О’Нил. Такая красивая, дерзкая, но такая маленькая и нежная. Черт, никогда бы не подумал, что могу чувствовать потребность в девчонке настолько сильно. И ноги ее эти – длинные, спортивные, крышу сносит, аж до зубного скрежета. Стерва, специально закинула их так, чтобы я видел.

И впервые в жизни я не хочу оказаться между этих ног. Точнее, хочу, но в особенный момент. Но больше всего на свете хочется сгрести ее в охапку, как тогда на холме, и не отпускать. Гладить волосы, вдыхать мятный запах,

смотреть в синие глаза, тонуть в них и целовать ее горячие губы каждый раз, как в последний. Я хочу о ней заботится – об этой наивной, глупой, саркастичной занозе в заднице. Да, и зад у нее фан-тас-ти-чес-кий. Уфф, рули, мужик, и старайся не палиться перед ней. Сам же все обломал. Ебучий святоша – в точку, малышка.

***

– Есть хочешь? – Майкл прервал молчание первым.

– Не откажусь от кофе и анальгетика – голова раскалывается, – я и не соврала: виски ломило снова до тошноты.

– Понял, сейчас заскочим в аптеку и найдем тебе кофе, маленькая пьяница, – он улыбнулся глазами, и это просто разбивало меня на мелкие частицы, заставляло растечься лужицей прямо на сиденье. Откуда в грозном громиле, несомненно, красивом, столько заботы и тепла?

Через десять минут мы сидели в придорожной забегаловке в ожидании кофе. Купленные Майклом таблетки были благополучно проглочены, и мозг постепенно стал переходить из желеобразного состояния в полутвердое.

Мы сидели на красных кожаных диванчиках напротив друг друга. Тёрнер нервно постукивал по столу пальцами, стараясь не смотреть мне в глаза. Мне было комфортно молчать с ним, но женское любопытство и эго единственного ребенка в семье требовало ментальных поглаживаний.

– Почему ты возишься со мной, а, Майкл? – вопрос прозвучал дерзко и с вызовом.

– Потому что я так хочу. – Он посмотрел мне прямо в душу и двумя руками снял с себя капюшон. – Еще вопросы?

– Ты спал с Адель? – тусклый огонек надежды теплился где-то очень глубоко, хотя я наверняка знала ответ на этот вопрос.

Майкл устало выдохнул, откинулся на спинку дивана и запустил руку в волосы, потирая шею.

– Я думаю, ты знаешь ответ, Сара. – эта его сталь в голосе сводит с ума. – Я был слегка не в адеквате, и это просто случилось. Оба получили желаемое, и наши дороги разошлись раз и навсегда. Я не питаю чувств к Адель Моринг, если тебя именно это интересует.

– То есть, это тоже было ошибкой, да? – мокрые полоски предательски наполнили мои глаза, но я старалась сохранять спокойствие. – А как часто ты вообще ошибаешься? Раз в неделю, пару раз в месяц? – наэлектризованный воздух, между нами, можно было потрогать руками. Я снова впилась ногтями в свою ладонь, пытаясь не выйти из себя и не наброситься на Тёрнера прямо тут.

Выдержке Майкла могли бы позавидовать все наемные убийцы мира: абсолютно непрошибаемый взгляд, расслабленные плечи, и только вздутые желваки на этих высеченных из камня скулах сейчас говорили о его тихой ярости.

– Пей кофе, я подожду тебя в машине.

И он просто встал и вышел, схватив свою куртку, источавшую мой самый желанный аромат на свете. Оставив меня с ворохом чувств, разрывающими мое сердце.

Я смотрела на него в окно, как он снова накидывает на свои непослушные волосы капюшон, словно покрываясь своей драконьей чешуей. Как задумчиво смотрит вдаль и подкуривает сигарету. Как поворачивается в мою сторону и смотрит на меня. Смотрит так, что сердце выпрыгивает из груди, потому что только слепой и тупой не видит ту химию, которая между нами. И эти два идиота на всю округу это мы – Сара О’Нил и Майкл-мать-его-Тёрнер.

Оставшуюся дорогу до моего дома мы ехали в гробовой тишине, в которой было больше смысла и чувств, чем в наших разговорах: он украдкой смотрел, как я, будто бы невзначай, крутила в пальцах его подарок, а я видела его довольную ухмылку в боковом зеркале, и моя душа пела.

***

Как ей это удается: выводить меня на эмоции одним своим взглядом? Она невыносимая и одновременно самая желанная девчонка в мире. Ее слепая ревность обостряет все мои чувства до предела, и это какой-то сумасшедший

кайф. Ты – мой кайф, О’Нил. И мне все труднее держать себя в руках при виде тебя.

***

Я вышла из машины и снова жестом молча потребовала ключи от своего Доджа. На этот раз не пришлось выслушивать колкости и шуточки – он положил мне их в руку и притянул к себе, положив одну ладонь в район моей поясницы. Майкл смотрел на меня сверху вниз, а я медленно тонула в этом зеленом омуте, державшись за ключи в моей руке, чтобы не улететь от этого взгляда. Тёрнер снова был так близко ко мне, что в горле пересохло, а сердце крутило сальто, ударяясь в ребра. Его же дыхание было ровным и спокойным. Майкл наклонился к моему уху и тихо сказал ласкающим бархатным голосом:

– Обещай мне больше так не напиваться, принцесса, потому что я не всегда смогу быть рядом. Я волнуюсь за тебя.

Он снова обнял меня, как медведь своими огромными руками, и нежно поцеловал в макушку.

Маяк

Вот уже три недели я просыпаюсь с одним и тем же вопросом: что происходит между мной и Майклом-мать-его-Тёрнером. Это не похоже… Да ни хрена это ни на что не похоже. Всё происходящее не умещается ни в какие рамки, признанные цивилизованным обществом.

Мы не друзья. Потому что друзей не раздевают глазами, не звонят с пожеланиями спокойной ночи и уже тем более жадно не облизываются, стоит мне появиться в узких джинсах. Да, и друзей не хотят соблазнить, надевая самые узкие джинсы из арсенала, выгодно подчёркивающие выдающиеся формы. Правда, Сара?

Мы не пара. Опять же, в традиционном понимании. За эти недели Майкл ни разу не поцеловал меня в губы. Ни разу. Это я могу объяснить либо гладиаторской

выдержкой, либо по утрам он пьёт чай с бромом. Он не знакомит со своими друзьями, не ходит на свидания в людные места, не пытается набиться на пироги к моей маме.

И уж точно мы не любовники. Возможно, потому что я ещё девственница. Хотя, я понимаю, что, когда Тёрнер подходит и обнимает меня сзади, навряд ли я упираюсь бёдрами в спрятанный под его джинсами дробовик. И да, я узнала, что такое сексуальное влечение. До промокшего белья. В восемнадцать лет.

Он просто обнимает меня при встрече. Строго за талию. Целует в макушку. А моё тело горит от его прикосновений, заставляя задыхаться каждый раз, когда он оказывается на расстоянии ближе метра. Это уму непостижимо. И моим гормонам неведомо. А Тёрнер молодец, держится!

У нас происходит какое-то обоюдожелаемое безумие, носящее гордое имя Майкла-мать-его-Тёрнера. А я – влюбленная идиотка, добровольно подписавшаяся на это.

Этот зеленоглазый парень полон тайн. Иногда он может просто пропасть на пару дней из города, оседлав свой байк. И вернуться посреди ночи, бросая в окно моей спальни мелкий сырой гравий с подъездной дорожки возле дома. Он залезает ко мне по приставной лестнице, стряхивая снег с медных непослушных волос, взмахивая головой. И я таю, как этот снег, закусывая губы, стоя в одной мешковатой пижаме, под которой мои соски от возбуждения и холодного воздуха требуют горячих ласк. И голова кружится. А он только обнимает как медведь – огромный и теплый – кутается в мои волосы и шепчет на ухо: «Привет, маленькая моя». Твоя, Майкл, вся с потрохами, только твоя.

Он забирается в мою спальню, и мы сидим на полу: я мажу йодом его сбитые руки, не задавая вопросов, которые каждую ночь всплывают в моей голове, не решаясь спросить.

Майкл будто изучает меня, пока я порхаю по его коже ватными палочками, вглядывается в моё лицо, считывает каждое движение. Он проверяет меня на прочность? Смотрит, насколько мне можно доверять? А я готова прыгнуть за ним, куда бы он ни сказал, потому что все, чего я хочу – это быть рядом, в его сооруженном только для меня коконе из заботы и нежности.

И я не знаю, у кого из нас двоих сорвет крышу быстрее. Во всяком случае, моя уже давно превратилась в солому, и чтобы пропасть окончательно, к ней всего лишь нужно поднести горящую спичку.

***

Я хочу унести её с собой, поставить на полку, смахивать пылинки и любоваться каждый день, не переставая благодарить Вселенную за то, что в моей жизни появился смысл. В моей жизни появился настоящий свет. Как долбаный маяк в шторм, спасающий тонущие и обреченные на гибель корабли. Сара О’Нил – мой маяк.

Я не идеальный, и никогда им не стану. Но для неё я хочу стать лучшим, видеть одобрение и эту нежность синих глаз. Я понимаю, что не хочу просирать свою жизнь, как делал это раньше, но я так слишком глубоко завяз в этом дерьме с Драконами, что боюсь разбить ей сердце, показав себя. Прошлого себя.

Моя маленькая девочка, которую я хочу каждой клеткой своего тела, но я знаю, что она – особенная, и поэтому боюсь всё испортить. Боюсь сорваться рядом с ней, потому что каждый долбанный раз у меня колом стоит просто при взгляде на неё. Я безумно боюсь сделать ей больно и поэтому держу себя в руках, выкуривая сигареты блоками, унимая дрожь во всем теле. Она заслуживает уважения и заслуживает быть особенной. Маленькая моя, Сара.

***

Очередная зимняя ночь без Тёрнера в городе. Спать совсем не хочется, но я кутаюсь в одеяло с головой, заставляя себя уснуть, потому что школу никто не отменял. Задумываюсь об учёбе, проворачивая в памяти всё, что сделала к завтрашнему дню и, незаметно для себя, проваливаюсь в царство Морфея.

Я проснулась от глухого удара по карнизу, мельком взглянув на будильник – часы показывали 3:04 ночи. В груди с бешеной силой заколотилось сердце от ожидания встречи с Майклом. Второй глухой удар и тихий, почти урчащий, звук греющегося мотора байка.

Мой рыжий демон, неизменно облаченный во всё чёрное, стоял, озарённый светом уличного фонаря, озорно размахиваясь, чтобы нанести ещё один удар по

моей крепости. Я подошла к окну, демонстративно потягиваясь и крутя пальцем у виска. Теплая улыбка, блестящие зелёные глаза, божественное тело из греческих легенд: всё это – мой Майкл Тёрнер, который лез по лестнице быстрее обычного, чем вызвал волну необъяснимого чувства тревожности.

– Маленькая, прости, что снова разбудил. Ты же знаешь: не могу успокоиться, пока не увижу тебя.

– Фу, Тёрнер, какие розовые сопли. Самому не противно? – подразнила я.

– Ты еще в школе учишься, О’Нил. Должна в Санту верить, розовых единорогов и в любовь-морковь всякую, нет? Это у вас, девчонок, разве не так работает? – Майкл пытается сдержать улыбку, но плохо справляется.

Он садится на подоконник, широко расставляя ноги, помещая меня между них, притягивая за талию, и снова зарывается в мою шею. Господи, его этот запах морского безумия неизменен и врезается в подкорку, вызывая толпы мурашек по спине. Сквозь ткань пижамы чувствую на своём теле холодные пальцы, но такие родные. Земля уходит из-под ног в такие моменты; я клянусь, что готова наброситься на него прямо здесь и сейчас, без оглядки на приличия и непонятные мне моральные нормы в голове Тёрнера.

Моя грудь мягко трётся об его куртку, промокая в тех местах, где тает снег; прижимаюсь к нему всем телом и закусываю губы до крови, потому что хочу, чтобы Майкл уже сорвался. А он, словно бездушная машина, тяжело дышит, обжигая, и еще сильнее упирается носом в мою шею, поднимая ладони к моим лопаткам и обратно на талию.

Ну же, Майкл, я знаю, что ты тоже сгораешь от желания!

Бум! Вот оно – с лязгом слетающая щеколда с самоконтроля Терминатора – Майкла Тёрнера.

– Маленькая, что ты со мной творишь? – он рычит мне в губы, хватая за подбородок и впиваясь губами в мои.

Безумие, полнейшее безумие: его язык сводит с ума, потому что то, что он сейчас им делает – не поцелуй. Тёрнер поглощает меня, наслаждаясь каждой клеточкой, пробует на вкус и требовательно берёт принадлежащее только ему.

И мой разум улетает. Я отвечаю на его требование и предлагаю всю себя без остатка, лаская пухлые губы, кусая их до кровавых отметин, зализывая боль, и снова нежно целуя влажную кожу. Его пальцы пробираются под мешковатую пижаму, нежно двигаясь вверх от талии, по моим ребрам, заставляя инстинктивно вздрогнуть и простонать в его губы.

– Чёрт, Майкл, я так долго ждала этого, – я тихо стону в темноте спальни, запутываясь в его слегка мокрых волосах, обхватывая ладонями его шею, лаская пальцами высеченное из камня лицо, проводя по подбородку с легкой щетиной. И Тёрнер прижимает меня еще ближе, хотя быть ближе уже просто физически невозможно. Его руки тянутся выше, достигая моей груди, постепенно теряя остатки контроля, как мне показалось, Майкл сжимает её, и из его тела вырывается низкий рык. – Майкл, я хочу тебя, сейчас, прошу, не останавливайся! – я умоляю и хнычу в его губы, которые жадно целуют и не считаются с моей потребностью дышать воздухом.

Но эффект от моей фразы абсолютно ошеломительный: Майкл не резко, но отодвигает меня, выставляя руки вперед, соскальзывая снова на мою талию.

– Чёрт бы тебя побрал, Тёрнер! За что ты так со мной? – я злобно шиплю, пытаясь унять своё вырывающееся из груди сердце, восстанавливая дыхание нормального человека.

Он поднял глаза, громко выпуская воздух, с выражением лица немыслимым для одного человека. На нем спектр эмоций от животного желания обладать до извиняющейся полуулыбки. Предвосхищая волну моей истерики, он встал во весь рост, нависая надо мной, сгреб в уже любимый кокон из рук, обещающий спокойствие, и тихо промурчал:

– Я приехал не за этим, Сара. Наберись терпения, нам некуда торопиться. Я – весь твой, маленькая моя, – прижимая к своей сильной, часто поднимающейся груди, он погладил меня по волосам.

Я снова сдавалась в этой обезоруживающей хватке, пытаясь совладать с эмоциями, но Майкл откуда-то знал, как меня успокоить. От этого мягкого, но властного тона в голосе зеленоглазого дьявола я хотела уснуть в его руках, свернувшись калачиком.

– Чего хотел тогда? – я обиженно буркнула, но звук потонул в кожаной броне моего рыцаря.

– Успокоилась? Я отпускаю на счет три, – Майкл снова повеселел и сам немного обретал покой, приглаживая разметавшиеся волосы назад.

– Говорю, чего хотел тогда? – я скрестила руки на груди, словно была полностью обнаженной, и пыталась хоть как-то вернуть былое благоразумие этим жестом.

– С друзьями познакомить хотел. Прокатимся? – Майкл уже перегнулся через открытое окно, не дожидаясь моего ответа. – У тебя пять минут на сборы.

Да просто прекрасно, Тёрнер! А то, что мне в школу завтра, тебя мало интересует, да? И то, что у меня все штаны от пижамы выжимать руками можно, тебя тоже не волнует. Ты там не мерзнешь на вершине своих моральных устоев, а? Бесит! До скрежета зубного бесит этот гад рыжеволосый.

Но он вроде как меня к друзьям везёт, это значит, что у нас все серьёзно? Надеюсь, что, наконец-то, да.

С этими мыслями я рванула к шкафу, наплевав на всё на свете.

Кто ты, Майкл Тёрнер?

Наспех одевшись в черные джинсы и водолазку – «пытаюсь быть похожей с Тёрнером?» – я прошмыгнула мимо маминой спальни в прихожую, запрыгивая в сапоги и набрасывая пуховик на плечи.

Майкл едет со мной к своим друзьям. Представит меня в качестве кого? Или это просто визит вежливости. Волнуюсь ли я? Да я до усрачки боюсь и трясусь, как

лист. Не каждый день я встречаюсь с парнем старше себя, который еще в банде состоит. И об этом знает весь город и шериф Никсон. Сара, да ты просто мать-анархия в этом году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/iqlight_/kak-priruchit-drakona

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити